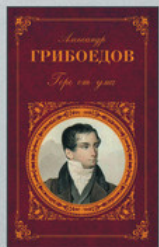

Александр Грибоедов

Студент

Часть сборника
Горь от ума (сборник)

Александр Сергеевич Грибоедов

Студент

Текст предоставлен издательством «Эксмо»
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=174594

Горе от ума: Эксмо; М.: 2008

ISBN 978-5-699-30769-2

Аннотация

«Иван. Кого вам надобно-с?

Беневольский. Я уж отвечал на этот вопрос неоднократно внизу человеку, вооруженному длинным жезлом, так называемому швейцару, а тебе повторяю: мне надобно господина здешнего дому.

Иван. Барина самого?

Беневольский. Да, да, барина твоего, Звёздова, его превосходительство Александра Петровича Звёздова. Ведь это дом его?

Иван. Его-с...»

Содержание

Действующие лица	4
Действие первое	5
Явление 1	5
Явление 2	7
Явление 3	12
Явление 4	13
Явление 5	16
Явление 6	21
Явление 7	25
Явление 8	27
Явление 9	30
Конец ознакомительного фрагмента.	31

Александр Грибоедов

Студент

Комедия в трех действиях

Действующие лица

Евламний Аристархович Беневольский, студент из Казани.

Федька, его слуга.

Звёздов.

Звёздова, жена его.

Саблин, брат ее, гусарский ротмистр.

Варинька, воспитанница Звёздовых.

Полюбин, влюбленный в Вариньку.

Прохоров.

Иван, слуга.

Швейцар.

Трое слуг.

Мальчик из ресторации.

Действие в Петербурге, в доме Звёздова.

Действие первое

Явление 1

Беневольский, Федька, Иван.

Иван. Кого вам надобно-с?

Беневольский. Я уж отвечал на этот вопрос неоднократно внизу человеку, вооруженному длинным жезлом, так называемому швейцару, а тебе повторяю: мне надобно господина здешнего дому.

Иван. Барина самого?

Беневольский. Да, да, барина твоего, Звёздова, его превосходительство Александра Петровича Звёздова. Ведь это дом его?

Иван. Его-с.

Беневольский. А я его гость.

Иван. Разумею-с. Да ваши пожитки и повозку куда же девать? Штукарев, что за домом смотрит, вышел куда-то, барин во дворце, барыня еще почивает, а если изволит проснуться, как прикажете доложить о себе?

Беневольский. Без доклада, любезный, без доклада. А впрочем, имя мое Беневольский: я здесь свой человек, меня ждут давно. Его превосходительство в бытность свою в Казани познакомился с покойным моим отцом, который предло-

жил ему свои услуги, имел хождение за его делами; с тех пор они друг другу дали клятву в дружбе неизменной и утвердили между прочим вот что... Барин твой сказывал, что его супруга воспитывает прелюбезную девицу.

Иван. Варвару Николаевну? Красавица, нечего сказать.

Беневольский. Невинность, ангел, существо небесное, так ли? И мне назначил он ее сопутницею жизни: это было положено между им и покойным батюшкой, также и то, чтоб мне, когда приеду в Петербург, остановиться у его превосходительства. Я тогда возрастал еще в Минервином храме, в университете. С тех пор батюшка скончался, и я, сказав прости казанскому рассаднику просвещения, поскакал сюда, чтоб воспользоваться приглашением твоего барина. В нем, конечно, найду я друга, отца, покровителя, одним словом, всё. Ну, понял ли?

Иван. Понял-с. Так вашей повозке с пожитками постоять покамест на улице?

Беневольский. Всё равно. Вели ей стоять на улице или въезжать на двор. Мне не до того: в голове моей, в сердце такое что-то неизъяснимое, мир неизвестный, смутная будущность!

Иван (отходя, говорит Федьке). Барин-то у тебя, видно, большой искусник.

Явление 2

Беневольский, Федька.

Беневольский. Что он тебе сказал?

Федька. Барин-де твой, видно, большой искусник.

Беневольский. Искусник... Так простолюдины называют артистов. Да, я артист; где мой журнал дорожный? (*Федька вынимает из сумки, что у него за плечами, кучу бумаг и медный карандаш.*) Подавай сюда! Записать, непременно записать первые чувства при въезде в столицу. (*Пишет.*) Мирюсь с Тобою, Провидение! я в желанной пристани...

Федька. Ох, кабы перекусить что-нибудь! Да у кого здесь попросишь? все и люди-то смотрят на тебя такими тузами, как будто сами господа; а позывает, ой! позывает: кибитчонка-то всё вытрясла, проклятая.

Беневольский. Вступаю в новый для меня свет. Ну, однако, какой же новый? Я его знаю, очень хорошо знаю: я прилежал особенно к наблюдениям практической философии, читал Мармонтеля, Жанлис, пленительные повести новых наших журналов; и кто их не читал? кто не восхищался Эльмирой и Вольнисом, Бедной Молочницей? Они будут водители мои в этом блуждалище, которое называют большим светом.

Федька. Посидел бы он шесть дней да шесть ночей на облучке, не взбрела бы всякая всячина на ум; попросил бы съестного да завалился бы спать. Правду сказать, ведь и ему

не малина была: сидячей частью об книжный сундук, головой об плетеную будку простукался, сердечный, во всю дорогу. Ну, да что им, грамотеям, делается? не давай ни пить, ни есть, дай перо да бумаги, – и сытехоньки, и горя половина.

Беневольский. Не говори вслух, ты мне мешаешь.

Федька. Неужто вы впрямь с дороги да и за дело?

Беневольский (не слушая его). Здесь увижу я эти блестящие собрания, где вкус дружится с роскошью; в них найду женщин милых, любительниц талантов, какую-нибудь Нинону, Севинье, им стану посвящать стишки маленькие, легкие; их окружают вертопрахи, модники – я их устрошу сатирами, они станут уважать меня; тут же встретятся мне авторы, стихотворцы, которые уже стяжали себе громкую славу, признаны бессмертными в двадцати, в тридцати из лучших домов; я к ним буду писать послания, они ко мне, мы будем хвалить друг друга. О, бесподобно! Звёздов ездит во дворец, – он будет моим Меценатом, мне дают пенсию, как всем подобным мне талантам, я наживусь, разбогатею. Федька! Федька! по-ди сюда, обойми меня.

Федька. Что с вами, сударь?

Беневольский. Сколько ты от меня получаешь жалованья?

Федька. Да вашей милости, я чай, самим известно.

Беневольский. Жалкий человек! ты думаешь, что я занимаюсь этой малостью.

Федька. Ну вот видите, сударь, теперь сами признаетесь, что малость; а как нанимали в Казани, еще торговались: все-

го сорок рублей на месяц.

Беневольский. Ты будешь получать пятьсот, тысячу.

Федька. С нами крестная сила! рехнулся он. Попросите-ка, сударь, чтоб вам отвели комнату в стороне, да лягте-ка отдохнуть.

Беневольский. Тысячу, тысячу.

Федька. Да где же вы, сударь, возьмете? Вы, помнится, говорили, что у вас всего на всё тысяча рублей взято из Казани, да вышло на прогоны двести сорок рублей с полтиною, да покупок в разных городах на восемьдесят рублей, да мне изволили выдать в зачет жалованья два целковых: вот у меня здесь всё записано.

Беневольский. Тысячу, говорю я, тысячу получишь; дай мне разбогатеть.

Федька. Вот оно что; ну, барин, так богатеите же скорее.

Беневольский. Эту тысячу, что я взял с собой, получил я в награду дарований от преосвященного, от вице-губернатора, от самого губернатора за стихи поздравительные в разные времена; если в губернском городе дали тысячу, здесь дадут десять, здесь могу я напечатать все мои творения, а как их все раскупят... Что ты качаешь головой? думаешь, не раскупят? Врешь: у Звёздова тьма знакомых, он человек знатный, из угождения к нему все подпишутся: чего это стоит? один экземпляр дрянь, а за всё придется важная сумма.

Федька (смотря в окно). Кто-то, сударь, подъехал в коляске.

Беневольский. Сюда взойдут. Выйди в переднюю.

Федька. Да там народ такой неласковый, к тому же, право, я голоден, быка бы съел. Пожалуйте, сударь, полтинник: я схожу в харчевню.

Беневольский. На, убирайся. Ах! досадно, на мне дорожная куртка. Еще подумают: новичок, смешной, необразованный... Воротись, Федор! Федька! вынь из чемодана платье, поновее которое.

Федька. Да там всего, сударь, фрак лиловый да жилет пике, и то, чай, дорогой поизмялось.

Беневольский. Подавай его.

Федька. К чему вам переодеваться!

Беневольский. Какое тебе дело?

Федька. С вас не взыщут: вы человек приезжий.

Беневольский. Молчи!

Федька. Образумьтесь, где теперь выкладывать из чемодана: вам и комнаты еще не отвели.

Беневольский. Не умничай!

Федька. Притом власть ваша: есть хочется, ей-богу! мочи нет.

Беневольский. Прозаик!

Федька. Вот еще ругаетесь... Нет, барин, мне таким способом служить будет не в охоту.

Беневольский. Олух! прибири эту тетрадь и карандаш да ступай за мной: я сам вытащу чемодан и выну платье. Скорей! Скорей! (*Уходит с Федькой и в дверях встречается с*

Полюбиным.)

Явление 3

Полобин и Иван.

Полобин. Стало, никого нельзя видеть; а это кто вышел?

Иван. Приезжий, сударь, из Казани.

Полобин. Из Казани! и зовут его?

Иван. Беневольский.

Полобин. Ах! Боже мой!

Явление 4

Полюбин и Варинька.

Варинька. Здравствуйте, Полюбин; как умно сделали вы, что приехали! Знаете ли, кто здесь?

Полюбин. Да, этот жених из Казани, выбранный Звёздочкой и который, натурально, никогда не будет вашим мужем.

Варинька. О, конечно, нет. Представьте, я давеча сижу перед окном у себя в комнате, только что встала, вижу: подъезжает к крыльцу повозка, из нее выходит... вы еще его не видали?

Полюбин. Он мелькнул в дверь, только что я вошел.

Варинька. Ни на что не похож; я вскочила со стула, послала спросить, кто? Говорят, Беневольский; я онемела от испугу. Ведь это может только Александру Петровичу притти в голову назначить мне женихом человека, которого хуже, по крайней мере на взгляд, сыскать нельзя.

Полюбин. Поверьте, он об нем давно забыл.

Варинька. Нет нужды: он, конечно, ни об чем не помнит, но за вас меня не выдает потому, что его жена этого хочет; он в пятьдесят лет настоящий ребенок, всё любит делать наперекор всем и, вы увидите, начнет меня принуждать, чтобы я вышла за этого шута, которого он давно забыл, но вспомнит, коль скоро он ему попадется на глаза. Боже мой! как тяжело зависеть от таких людей, которые за свои благодеяния

располагают вами, как собственностью! Теперь я чувствую, каково быть сиротой.

Полюбин. Я еще надеюсь: если Звёздов не совсем так поступает, как бы должно, жена его женщина редкая; принявши вас в дом, полюбила и продолжает любить, как дочь. Ей, как нежной матери, обязаны вы всеми приятностями, которые всех заставляют вас любить.

Варинька. Ах, перестаньте! до того ли мне?

Полюбин. Хотя муж ее всегда хочет поступать в противность другим, всё-таки жена его, милая, ловкая, наконец ставит на своем; и немудрено: ему пятьдесят лет, а ей с небольшим двадцать.

Варинька. Пойду, брошусь перед ней на колени; пусть что хотят со мной делают, а я ни за кого, кроме вас, не выйду. (*Полюбин целует у нее руку.*) Она еще спит, а то я бы сейчас пошла, пока муж ее не воротился из дворца.

Полюбин. Вы напрасно огорчаетесь: у вас нет родителей, — кто вас может приневолить? Вы выбрали человека по сердцу, от вас зависит его счастье.

Варинька. Без согласия моих покровителей! чтоб меня после называли неблагодарной! ни за что в свете. (*Подходя к окну.*) Посмотрите, посмотрите, он же на улице переодевается.

Полюбин. Кто? Беневольский? (*Смотрит в окно и хохочет.*)

Варинька. Нет, не только теперь, — если б я и вас не знала,

ни под каким видом не вышла бы замуж за этого безумного. Хорошо вам смеяться: вы сами себе господин. Ах! он сюда идет; прощайте! пойду в спальню к Настасье Ивановне. Может быть, она встала. Приезжайте ужю, простите. *(В дверях.)* Будьте же здесь ужю непременно, а то мы нынче съезжаем на дачу. Бог знает, когда увидимся.

Явление 5

Полюбин, вскоре после *Беневольский*.

Полюбин (*смотря на часы*). Теперь половина одиннадцатого, во дворце еще не вышли к обедне, – Звёздов не так скоро воротится. Можно полюбопытствовать, что за человек этот Беневольский. Вот он сам и в пух расфранчен.

Беневольский (*шаркая*). Ваш покорнейший слуга-с.

Полюбин. Здравствуйте!

Беневольский. Позвольте с вами познакомиться.

Полюбин. Очень рад вас видеть.

Беневольский. Что-с? так точно-с. (*В сторону.*) Непостижимо. Я, верно, в сорок раз его умнее: отчего я робею, а он нет?

Полюбин (*в сторону*). Бесценный. И это мой соперник.

Беневольский. Позвольте спросить: я, кажется, если не ошибаюсь, имею честь говорить с вами?

Полюбин. Вы не ошибаетесь.

Беневольский (*в сторону*). Как краткословен! Он меня убивает.

Полюбин. Вы недавно сюда приехали?

Беневольский. С час будет.

Полюбин. Из Казани?

Беневольский. Я сын волжских берегов.

Полюбин. Вам здесь всё должно быть ново?

Беневольский. Ничто не ново под солнцем.

Полюбин. Но приезжего из Казани многое кое-что должно здесь удивить.

Беневольский. Меня ничего. Признаюсь вам, я столько читал, что ничем не удивлен. Это мое несчастье.

Полюбин. Может, не успели еще видеть ничего удивительного?

Беневольский. Помилуйте. Эти воды, пересекающие во всех местах прекраснейшую из столиц и вогражденные в берега гранитные, эта спокойная неизмеримость Невы, эти бесчисленные мачты, как молнией опаленный лес – вы это называете неувидительным?

Полюбин. Не я, а вы: вы сказали, что ничем уже не удивляетесь.

Беневольский. Я разумел моральные явления.

Полюбин. Когда ж вы могли их видеть? Вы сейчас из повозки. – Что ж вы располагаете вдаль? Какой род жизни вы намерены выбрать?

Беневольский (приосанившись). Вы знаете, как меня зовут?

Полюбин. Беневольский, кажется.

Беневольский. Да-с.

Полюбин. Так что ж?

Беневольский. Вы, конечно, читали «Сына Отечества»? там эти безделицы, я их, ей-богу, полагаю безделицами, так... опыты, конечно, часто счастливые, удачные, они под-

писаны литерами Е. А. Б. и несколько точек, вместо имени – Евлампий Аристархович Беневольский.

Полюбин. Имени вашего не забуду; но я не читаю «Сына Отечества».

Беневольский. Нет! ну, так «Вестника Европы»?

Полюбин. Тоже нет.

Беневольский. Помилуйте, а «Музеум»? Вы, конечно, любите «Музеум»? Московский «Музеум»?

Полюбин. Я даже не знаю, есть ли он на свете.

Беневольский. Нет, его уж нет больше, но он был. Помилуйте, что ж вы читаете?

Полюбин. Мало ли что? Только не то именно, что вы называли, и не то, что на это похоже.

Беневольский (смотрит на него с презрением и отходит в сторону). Не читал ни «Сына Отечества», ни «Музеума», ха! ха! ха! Этакое невежество в девятнадцатом столетии! в Петербурге! – Я перед ним робел! и я перед ним скромничал! (*Садится на стул.*) Вы, сударь, спрашивали, какие мои виды вдаль? Вот они: жизнь свободная, усмешка Музы – вот все мои желанья... Ни чины, ни богатства для меня не приманчивы: что они в сравнении с поэзией?

Полюбин (в сторону). Каков же! Однако вы дурно делаете, что не хотите служить. С вашими способностями, с вашими познаниями немудрено, что вы со временем попадете...

Беневольский (с восторгом). В чины?

Полюбин. В государственные люди... каких, конечно, у

нас немного.

Беневольский (вскакивая со стула). Ась? Возможно ли! Быть полезным государству! Это превосходно, это именно мое дело. Я прошел полный курс этико-политических наук, политическую историю, политическую экономию, политику в строгом смысле, право естественное, право народное, право гражданское, право уголовное, право римское, право...

Полюбин. Право, не надобно столько прав, ни столько политики; я, как видите, ничего этого не проходил, а статский советник.

Беневольский. В ваши лета?

Полюбин. Представьте, чем вы можете сделаться!

Беневольский. Как вы благородно судите! Жаль только, что слишком пренебрегаете изящной словесностью.

Полюбин. Я? нисколько!

Беневольский. Как же? не читаете «Сына Отечества».

Полюбин. Что ж делать?

Беневольский. Зачните его читать, сделайте одолжение, зачните; право, это вам не будет бесполезно, особливо при вашем здравом рассудке. – Но быть государственным человеком, министром, чрезвычайно приятно! Не почести, с этим сопряженные: это дым, мечта; но слава прочная, незыблемый памятник в потомстве! – О, поприще государственного человека завидно; да как бы на него попасть?

Полюбин. А поэзия?

Беневольский. Прелестная игра воображения, отрада в

скуке; но дело министра существеннее, решает задачи народов. Я себе представляю не для того, чтоб я в этом был уверен; но если бы оно случилось, чтобы я был министром...
(Задумывается.)

Явление 6

Беневольский, Полюбин, Саблин.

Саблин. Здорово, Полюбин! как ты рано здесь нынче дежуришь! (*Взглянув на Беневольского, отводит Полюбина в сторону.*) Скажи, пожалуй, давно ли сестра пускает к себе в дом таких куриозов? Это чорт знает, что такое!

Полюбин. Это тот жених, об котором, помнишь, Звёздов прожужжал Вариньке.

Саблин. Казанский?

Полюбин. Как видишь, налицо.

Саблин. Чудо!

Полюбин. Хочешь ли, я вас познакомлю. (*Саблин делает знак согласия.*) Евлампий Аристархович! позвольте представить вам моего друга, Евгения Ивановича Саблина. (*Беневольский раскланивается.*)

Саблин (Беневольскому). Для первого знакомства, скажите-ко, батюшка, чем вы на белом свету промышляете?

Беневольский. Как ваш вопрос? извините. (*Тихо Полюбину.*) Я не понимаю его.

Полюбин (тихо Беневольскому). Человек военный, говорит просто; хотите ли, я за вас ему отвечу?

Беневольский (Полюбину). Вы меня обяжете.

Полюбин (Саблину). Господин Беневольский, честь и краса казанского Парнаса, доньне занимался только изящной

словесностью, и с таким успехом, что стихи его печатались даже в «Сыне Отечества».

Беневольский (Полюбину). Помилуйте, вы меня в краску вводите вашей похвалою.

Полюбин. В ней нет ничего лишнего.

Беневольский. Вы так думаете?

Полюбин. Присягнуть готов. (*Саблину.*) И сверх того, в «Вестнике Европы».

Беневольский. Пощадите скромность поэта.

Полюбин. И где, бишь, еще?

Беневольский. В «Музеуме». – Да перестаньте. Хоть это всё очень лестно, но может показаться, что я самолюбив; а я ничьих похвал не ищу.

Саблин. И хорошо делаете. Кто вас так похвалит, как вы сами себя?

Полюбин. Везде рассыпаны счастливые опыты Евлампия Аристарховича Беневольского: после этого подумай...

Саблин. Я об этом никогда ничего не думаю и сочинителей терпеть не могу. (*Беневольскому.*) Это до вас не касается.

Полюбин. Кроме, что сочинитель, господин Беневольский ужасный законник и метит вдаль. Я его уговаривал, а он почти согласен сделаться со временем государственным человеком.

Саблин. Чем чорт не шутит! – Так вы метите в министры? а?

Беневольский. Отчего ж не стремиться вслед за Сюллия-

ми, за Кольбертами, за Питтами, за боярином Матвеевым?

Саблин. Послушайте, подите-ка к нам, в полк, в юнкера. Смотри, пожалуй! он еще дуется!.. Ведь я не виноват, что вас иначе не примут; мне бы, напротив, во сто раз было веселее, кабы вы попали прямо в полковники: вы так сухощавы, по всему судить, проживете недолго, скорей бы вакансия очистилась.

Беневольский (в сторону). Житель Виотии в Афинах! ни малейшего колорита воспитания!

Саблин (Полюбину). Неужели ты полагаешь, что есть возможность этому шуту жениться на Вареньке?

Полюбин. Э, братец! от твоего зятя всё возможно.

Саблин. Я за это в состоянии сказать ему дурака в глаза, хоть он и думает, что вдвое меня умнее от того, что вдвое старше. Здесь неловко говорить: идем завтракать на бульвар.

Полюбин. Пойдем.

Саблин. А уж как вернемся, настроим хорошенько сестру, чтоб она мужа на ум навела. Я, право, люблю тебя как душу, и Вариньку тоже, смерть досадно, если она достанется этому уроду... Ха! ха! ха! как можно этаким выродиться! Я бы сам себя на его месте обраковал и пристрелил. (*Беневольскому.*) Мы, сударь, оставляем вас одних: рассуждайте на досуге. Вот вам, как Ивану Царевичу, три пути: на одном лошадь ваша будет сыта, а вы голодны, – это наш полк; на другом и лошадь, коли она у вас есть, и сами вы умрете с голоду, – это стихотворство; а на третьем и вы, и лошадь ваша,

и за вами еще куча людей и скотов будут сыты и жирны, – это статская служба. Во всяком случае, вы пойдете далеко; а мы, брат, пойдём к Бордерону, вели своей коляске за собой ехать.

Явление 7

Беневольский (один). Ха! ха! ха! Какой сюжет для комедии богатый! Как они смешны. Тот статский советник, в порядочных людях, и не читал ни «Сына Отечества», ни «Музеума»; но, по крайней мере, видно, что ему это совестно, больно: он мне после угождал взорами, речью нарочно, чтоб изгладить дурное впечатление, которое надо мной сделало его невежество. А этот гусар, об котором *Виргилий* говорит: *Barbarus has segetes*,¹ – еще храбрится своею глупостью. Однако он мне дал мысль: ступайте к нам в полк... Нет, не в их полк, а в военную: отчего мне не быть военным? О! ремесло Цесаря! сына Филиппова! Быть вождем полмиллиона героев! Самому воспевать свои победы! воин-поэт! Но быть министром! тоже значительно, завидно. Ну, что ж? разве нельзя всё это сдружить вместе? Так, я буду законодателем-полководцем и стихотворцем, и вы меня одобрите, существа кротости!.. Существа очаровательные! всё в жертву вам!.. Но, боже мой! как здесь долго таятся в неге! Я так давно снедаем ожиданием. Ах! если б теперь мог увидеть ту, которая давно живет здесь, в моем сердце, знакомую незнакомку, которая часто появлялась мне в сновидениях, светла, как Ора, легка, как Ириса, – величественный стан, сафирные глаза, русые, льну подобные, волосы, черты... Кто-то идет –

¹ Варвар эти нивы... (*Виргилий*, *Эклога* первая, ст. 70–71). – *Ред.*

две женщины!.. Сердце, ты вещун! – это она с субреткою...
Мой идеал!.. Она!..

Явление 8

Звёздова, Варинька, Беневольский.

Звёздова. Я теперь только узнала, что вы приехали, и очень жалею, что не могла прежде... Что с вами случилось? Не дурно ли вам?

Беневольский (кланяясь). Нет-с, ничего-с. Честь имею себя рекомендовать.

Звёздова. Вы долго ехали из Казани?

Беневольский. Счетом времени только неделю, а счетом сердца целый век.

Звёздова. Видно, что-нибудь вас сюда торопило?

Беневольский. Ах! сударыня, вы не знаете любви!

Звёздова. Это очень лестно для вашей невесты. Но вы ее видите в первый раз.

Беневольский. В первый раз! Нет, я ее вижу не в первый раз.

Звёздова. Разве вы бывали прежде в Петербурге?

Беневольский. Никак нет-с.

Звёздова. Когда ж вы могли ее видеть?

Беневольский. Всегда: в часы уединенного труда, в минуты деятельной чувствительности, досуга шутливой, крылатой фантазии.

Звёздова. Да где же?

Беневольский. Везде: образ ее носился в облаках воздуш-

ных, выглядывал из ручейка долинного, отражался в каплях росы на листочках утренних...

Звёздова. Теперь я понимаю: вы шутите.

Беневольский. Одни сердца холодные могут шутить.

Звёздова (тихо Вариньке). Он говорит так странно...

Варинька (тихо Звёздовой). Странно, просто вздор; и за него хотят меня выдать. Ах! сжальтесь хоть вы.

Беневольский (в сторону). Она в смущении! Еще слово, и я счастлив.

Звёздова. Вы, кажется, поэт?

Беневольский. Так! Я не ошибся! Я счастлив! Я любим!

Звёздова. Что такое?

Беневольский. Вы меня узнали?

Звёздова. Узнала ли я?..

Беневольский. Вы меня поняли?

Звёздова. Нет, право...

Беневольский. Трепещут ли в вас те струны, которые издали голос в моем сердце?

Звёздова (Вариньке). Он с ума сходит.

Варинька (Звёздовой). Помилуйте, с чего ему сойти?

Беневольский. Я желал, и свершилось; я искал бессмертия в любви, божества в природе, – и ангел возвышенных мыслей предстал мне во всем велелепии.

Звёздова. Что вы говорите? опомнитесь.

Беневольский. Сердце имеет свою память. Вы заметили тот восторг, который не в силах был я удержать при первой

нашей встрече? – в нем слышали вы голос пиитической со-
вести.

Звёздова. Я, сударь, в жизнь мою ничего подобного не ви-
дала и не слыхала. (*Вариньке.*) Побудь с ним, ради бога, мне
сил недостает его слушать. (*Уходит.*)

Явление 9

Беневольский, Варинька (она все время печальна и сердита).

Беневольский (не примечая, что *Звёздочка* ушла). Не удивляйтесь моим словам, в языке любви запасся я жатвою слов... Боже мой! Она ушла?

Варинька. Ушла.

Беневольский. Краска стыдливой скромности, конечно, выиграла на лице невинности. Она, верно, хотела скрыть смятение первой любви. Зачем я не удержал ее? не досказал всего того, что теснится здесь, в этой груди?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.